

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА СОДЕЙСТВИЯ ЖЕРТВАМ ИНТЕРВЕНЦИИ В СИБИРИ (ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА)

Рассматривается деятельность Всесоюзного общества содействия жертвам интервенции. В его цели входило подсчитать убытки советских граждан от иностранных легионеров в период Гражданской войны. На основе конкретно-исторического подхода и ранее не публиковавшихся архивных материалах анализируются процесс организации кампании по сбору претензий граждан, пострадавших от интервенции, ее результаты, а также методы мобилизации населения на выполнение поставленной задачи. Сделаны выводы, что кампания не нашла широкой поддержки со стороны граждан и части советской бюрократии, поскольку заявленные обществом гуманитарные цели носили декларативный характер, а деятельность была ориентирована на решение внешнеполитической задачи – дипломатическое признание СССР.

Ключевые слова: общественные организации; Всесоюзное общество содействия жертвам интервенции; Сибирский край.

Актуальность темы связана с научным осмыслением проблемы взаимодействия власти и общества. Многообразие целей и форм общественных движений и организаций, степень их свободы в достижении поставленных целей являются важным критерием демократичности режима. Советская действительность в 1920-е гг. характеризуется противоречием между формой и содержанием общественно-политических и социально-экономических институтов. Советский режим создавал видимость их демократизации, не допуская неподконтрольной государству самостоятельности граждан. Многочисленные общественные объединения, действовавшие в этот период в СССР (в 1928 г. зарегистрировано 4 480 организаций и союзов), должны были демонстрировать буржуазному миру широкие возможности для реализации инициативы граждан первого в мире государства трудящихся, не выходя за пределы идеологических установок и административного и правового регламентов [1].

В советский период тема формирования и развития общественных организаций в СССР получила основательное изучение, но выводы и обобщения авторов не могли выходить за рамки марксистской научной парадигмы. В постсоветский период тема рассматривалась в работах Н.Н. Ильиной [1], Н.Е. Жуковой [2] и др. Проведенный авторами анализ правовых источников показал, что в течение 1920-х гг. в СССР происходило законодательное оформление классового подхода в отношении к общественным организациям. В общественно-политической жизни стали доминировать «добровольные массовые общества» и сформировались механизмы государственного контроля за их деятельностью. Широкий спектр общественных организаций (научные, спортивные, литературные, художественные и др.) свидетельствовал о том, что таким образом режим контролировал все сферы жизни социума и использовал «массовые общества» для решения значимых задач, перекладывая на них часть финансового бремени (деятельность на добровольных началах, членские взносы). Именно в 1920-е гг. было положено начало советской практике мобилизации населения при помощи административного ресурса и различных способов манипулирования. Длительный период огосударствления обществен-

ных организаций объясняет инертность институтов гражданского общества в постсоветской России.

Примером политической мобилизации населения является деятельность Всесоюзного общества содействия жертвам интервенции (далее – ОСЖИ), развернувшаяся в 1924–1927 гг. и подчиненная решению внешнеполитической задачи выхода СССР из международной изоляции. Препятствием к заключению мирных договоров был вопрос о дореволюционных долгах и национализированном имуществе иностранных граждан. Страны-кредиторы демонстрировали нежелание конструктивного разрешения проблемы долгов и использовали ее в качестве инструмента давления на советское правительство [3]. Предъявленный советским правительством странам-кредиторам счет за причиненный стране в период интервенции ущерб требовалось подкрепить задокументированными свидетельствами о лишениях советских граждан. Выявлением ущерба, причиненного мирному населению, занималось Общество содействия жертвам интервенции. Кампанию по сбору претензий осуществляли 162 республиканских, краевых, губернских комитета, в подчинении у которых находились уездные, волостные и районные отделы и пункты [4. С. 237]. Предполагалось, что ОСЖИ соберет основную массу контрпретензий в течение 1924 г., когда велись сложные переговоры с Францией и Японией. Однако вопрос о «царских долгах» неоднократно поднимался в последующие годы (Англией в 1924 и 1929 гг., Францией – в 1924 и 1927 гг.) [5. С. 99]. В 1926 г. в Бюллетене Всесоюзного ОСЖИ отмечалось, что «вопрос о русских долгах и претензиях опять стал модным в английской печати и в парламенте» и «неоднократно возбуждался в английском парламенте по самым разным поводам». Поэтому кампания по сбору претензий продолжалась до лета 1927 г. Всего на территории СССР было собрано 1 335 000 заявлений потерпевших. Имущественные потери граждан составили 55 837 7451 руб., а личные – 1 855 895 012 руб. [4. С. 240, 242].

Между тем деятельность ОСЖИ остается малоизвестным фактом. Об обществе встречаются краткие упоминания в работах, посвященных интервенции и Гражданской войне [6. С. 303] и общественно-политической жизни в СССР [7. С. 29]. В настоящей

статье предпринимается попытка рассмотреть деятельность ОСЖИ на территории Сибири (Сибирский край с 1926 г.) по формированию сети территориальных отделений, организации кампании по сбору заявлений лиц, пострадавших от интервенции, и оценить итоги ее работы. Статья подготовлена на основе материалов фонда 35 Государственного архива Новосибирской области. В его коллекцию входит 17 единиц хранения, объединяющих делопроизводственную (протоколы заседаний комитетов) и организационно-распорядительную документацию (временные положения отделений общества, циркуляры); материалы статистики по СССР и по Сибирскому краю.

По официальной версии инициатива создания ОСЖИ исходила от группы общественных и научных деятелей (проф. В.П. Волгин, проф. Н.В. Державин, академики В.Н. Игнатьев, Н.Я. Марр др.) на первом всесоюзном съезде научных работников в 1923 г. В заявлении к СНК высказывалась мысль о необходимости подсчитать убытки советских граждан в противовес «требованиям ущемленных кошельков» стран Антанты [4. С. 234]. Предложение выявить потери населения и противопоставить их «притязаниям иностранных капиталистов» поступило в период сложных переговоров по заключению мирных договоров и сразу же получило одобрение правительства. На основании Постановления СНК от 5 февраля 1924 г. в Москве было создано Временное правление ОСЖИ, которое весной развернуло деятельность по организации сети комитетов на территории всего СССР. Постановление СНК предоставляло Всесоюзному ОСЖИ право легальной деятельности еще до утверждения Устава [8. Л. 5]. В июле 1924 г. при Наркомате иностранных дел была образована особая комиссия по рассмотрению претензий советских граждан [9]. Короткий срок принятия решения об образовании общества и его тесная связь с Наркоматом иностранных дел не оставляют сомнений в том, что Всесоюзному ОСЖИ предстояло выполнять политический заказ государства. Гуманитарная миссия общества («защита интересов граждан Союза Социалистических Советских Республик, пострадавших от вмешательства иностранных правительств во внутренние дела республик») была ширмой для решения внешнеполитических задач. Их приоритетный характер находит подтверждение в организационно-распорядительной документации ОСЖИ. В циркуляре губернским комитетам от 11.10.1924 г. говорилось: «Договор с Англией, предстоящие договора с Францией и Японией неизбежно ставят на очередь вопросы о взаимных претензиях, и наши общества на каждую претензию интервентов должны выдвинуть десять своих» [10. Л. 1]. Ответственность за имущественные и личные потери советских граждан возлагалась на правительства стран, принимавших участие в интервенции, – за действия военнослужащих – граждан этих стран, а также «белых армий», получивших поддержку Антанты. Претензии потерпевших лиц в отношении стран, с которыми уже были заключены договоры (Германия, Польша и др.), не принимались, так же, как и заявления об ущербе, причиненном в период империалистической войны, в результате действий красноармейцев и мероприятий органов советской власти [11. Л. 17 об., 41 об.–42].

Задуманный в Москве проект по сбору контрпретензий «иностранным капиталистам» не мог быть обременительным для бюджета государства. В центре выделялись средства на содержание Правления в Москве (по Уставу 15–20 человек) и специального штата по обработке материалов. Решение проблемы финансирования территориальных отделений в республиках, краях, губерниях перекладывалось на плечи местной советской бюрократии. Одним из источников финансирования должны были стать обязательные членские взносы (вступительные в размере 10 коп., и ежемесячные в размере 5 коп.). Для получения дополнительных средств местные отделения получали право выпускать жетоны и марки [8. Л. 10–17]. Основной расчет Правления Всесоюзного ОСЖИ был на поддержку широких слоев общественности. В июне 1925 г. в Бюллетене Правления подчеркивалось, что деятельность общества не должна быть затратной, поэтому в качестве основного метода работы с населением рекомендовалось использовать различные способы мобилизация общественных сил [11. Л. 15].

На территории Сибири отделения ОСЖИ появились весной 1924 г. В соответствии с рекомендованной структурой (краевой и губернские комитеты, отделы в уездных городах и пункты в волостях) и административно-территориальным делением Сибири (с 1926 г. Сибирского края) были образованы Ново-Николаевский, Енисейский, Иркутский, Омский, Алтайский, Томский губернские комитеты и Сибирский краевой комитет с центром в Ново-Николаевске. Процесс организации сети отделений и пунктов проходил одновременно с начавшейся кампанией по сбору претензий от потерпевших граждан. Не рассчитывая на финансовую помощь из Москвы, руководители губернских комитетов ОСЖИ в Сибири приступили к мобилизации общественных сил, сочетая административные методы с пропагандой. В городах, где еще до революции сформировался культурный слой из академической, научной общественности и служащих, были широкие возможности для пропаганды. В Омске и Ново-Николаевске проводилась агитация среди участников съездов учителей и медицинских работников [12. Л. 6; Д. 9. Л. 76]. В Иркутске была организована серия лекций для служащих Губстатбюро, железной дороги, коллегии защитников, учащейся молодежи политехникума и университета и научных работников [13. Л. 5]. Благодаря пропаганде удалось найти агентов среди студенческой молодежи, которых направляли в сельскую местность для сбора и оформления претензий [11. Л. 22, 25]. Деятельность ОСЖИ освещалась в местной прессе [14. Л. 5]. Хуже всего обстояло дело в Красноярске, где члены комитета ограничились проведением разовой акции – «воскресника» по сбору претензий, которая оказалось непродуктивной – всего 300 заявлений пострадавших [12. Л. 22].

О проблемах, с которыми столкнулись руководители комитетов ОСЖИ в Сибири, можно судить по протоколам заседаний. В декабре 1924 г. Сибирский комитет ОСЖИ подводил итоги работы в Иркутской и Енисейской губерниях. Члены Правления признали, что расчет на активную поддержку общественности

не оправдался. Организация отделений и пунктов по сбору претензий шла медленно из-за «непонимания задач в глухой провинции», отсутствия инициативы со стороны рядовых граждан, «загруженности» советских работников и недостатка финансовых средств. Даже на таком неблагоприятном социальном фоне деятельность Иркутского губернского комитета выглядела вполне успешной и получила положительную оценку Сибирского краевого комитета и Правления ОСЖИ в Москве [12. Л. 22]. В течение 1924 г. в губернии было создано свыше 50 местных отделений общей численностью около 1 000 членов. Даже в отдаленных от Иркутска Нижне-Илимском и Братском районах были пункты по сбору претензий. В течение года (к 1 апреля 1925 г.) губернский комитет собрал 15 тыс. заявлений на сумму 10 млн руб. [11. Л. 25]. Деятельность Енисейского губернского комитета, напротив, подверглась резкой критике и была признана неудовлетворительной. Отмечалось, что члены правления Енисейского комитета не работают над созданием сети отделений по сбору претензий («членские билеты считают излишними») и ограничиваются разовыми мероприятиями [12. Л. 22]. В итоге между Енисейским губерньским и Сибирским краевым комитетами ОСЖИ сложилась конфликтная ситуация. В феврале 1925 г. члены правления Енисейского комитета обратились непосредственно в Центр СЖИ, объясняя «вялую» работу по сбору претензий тем, что в губернии проводились перевыборы в сельсоветы. Причину можно было бы считать убедительной, если бы руководители Енисейского комитета не выразили сомнения в целесообразности деятельности ОСЖИ. «Следя за газетами на ходе переговоров с иностранными правительствами, – говорилось в документе, – можно судить о том, что претензии утрачивают свою ценность, а потому мы стоим перед фактом: продолжать ли работу или нет?» [15. Л. 7].

В апреле 1925 г. подводились итоги работы Новониколаевского губернского комитета. К этому времени в губернии было собрано 7 912 заявлений на сумму 3 689 004 руб. Анализ проведенной кампании показал, что Новониколаевский комитет также столкнулся с проблемой создания сети низовых структур. Указывалась причина, по которой граждане отказывались вступать в ОСЖИ – необходимость платить регулярные членские взносы. Хуже всего обстояло дело в самом Новониколаевске, где основная нагрузка легла на плечи 5 членов правления. В городе не удалось создать группу уполномоченных, как это рекомендовалось Правлением в Москве, и привлечь к работе «ответственных» советских работников. В докладе говорилось, что «товарищи, которые могли бы быть пригодны для этой цели, заняты другой общественной работой и уделить хоть минимум времени не могут». Не нашла поддержки деятельность ОСЖИ и со стороны профсоюзов и других общественных организаций. В течение года в городе было собрано всего 74 претензии. В сельской местности Новониколаевской губернии кампания прошла вполне успешно благодаря содействию местной интеллигенции (98,8% всех заявлений потерпевших лиц на сумму 3 522 790 руб. собрали именно в деревне). В отчете указывалась еще

одна проблема, тормозившая ход кампании, – недостаток бланков. Бланки из центра поступали с перебоями, в то время как одному заявителю требовалось оформить претензию в трех экземплярах. Согласно приведенной в докладе статистике по Новониколаевскому уезду в среднем на каждое селение приходилось 2–3 бланка и на каждые 4–5 хозяйств – 1 бланк. Проблема усугублялась тем, что в деревне было мало грамотных людей, поэтому частым явлением была ненамеренная порча бланков. В целом деятельность Новониколаевского губернского комитета в период с 23 марта 1924 г. до 1 апреля 1925 г. была признана «вполне удовлетворительной, а линия... правильной» [16. Л. 76–78, 80, 82].

Итоги работы ОСЖИ за год (с марта 1924 г. и до июня 1925 г.) подводились и в Москве. Правление проделало большую работу по систематизации и проверке претензий на соответствие формальным требованиям, а также обобщению материалов статистики по всему СССР. Был проведен тщательный анализ работы территориальных отделений и выявлены недостатки, которые следовало в будущем устранить. На каждые 2–3 претензии городских жителей и 14 сельских приходился один убитый интервентами; на каждые 2 претензии горожан и 4–5 претензий крестьян – один человек, пострадавший физически (порка плетью и шомполами, истязание, арест и т.д.) [13. Л. 82]. В соответствии с общесоюзными данными одна претензия представляла 5,65 чел. (городе – 4,22, в деревне – 5,96) [4. С. 236, 239]. Однако по мнению членов Правления, количество собранных в сельской местности претензий не отражало реальных потерь населения в период интервенции. Правление пришло к выводу, что большое число крестьян не смогло заявить о своих убытках потому, что кампания в деревнях проводилась не так активно, как в городах.

Другой серьезной проблемой кампании была низкая квалификация инструкторов, которые занимались сбором и оформлением претензий. Проверка документов показала, что большая их часть не соответствовала требованиям. По состоянию на 16 июня 1925 г. доля юридически обоснованных претензий в целом по СССР составляла всего 40,3%. Забракованные документы разделялись на две группы. В одну вошли «дефектные по существу», т.е. не связанные с периодом интервенции или действиями белых и иностранных войск. Во вторую группу попали претензии, забракованные по формально-юридическим признакам. Среди «ошибок» в оформлении были названы: 1) отсутствие указания на место и время событий, а нередко и сами обстоятельства, вследствие которых граждане потерпели убытки; 2) не разграничены личные и имущественные потери либо не указывались сведения о пострадавших (возраст, в чем конкретно выражался ущерб); 3) на доверенностях (таковые должны были оформляться на опекунов несовершеннолетних или недееспособных лиц) отсутствовали либо не были заверены подписи, что вызывало сомнения в их подлинности; 4) безграмотное изложение обстоятельств («тифом хворало все семейство и лошади», «от ранения заболела порогом сердца») [11. Л. 7, 26]. Из-за недостаточного количества бланков

претензии записывались на «клочках бумаги», что снижало их юридическую ценность. В Бюллетене Правления отмечалось, что несоблюдение требований при оформлении документов привело к «непроизводительной трате времени и излишним расходам» [13. Л. 77].

К 15 июня 1925 г. в целом по СССР было собрано 822 685 заявлений, в том числе «сибирских» – 45 985 (5,59%). К моменту завершения кампании летом 1927 г. количество претензий жертв интервенции по Сибирскому краю составило около 80 тыс. (6%) [11. Л. 54–75]. Следует отметить, что на фоне общесоюзных показателей доля юридически грамотно оформленных претензий в Сибири была самой высокой. Из 162 комитетов ОСЖИ разного уровня четыре сибирских вошли в десять самых «производительных». Новониколаевский и Иркутский губернские комитеты представили наибольшее число претензий, соответствовавших формальным требованиям – (78,2 и 77,9% соответственно) и занимали первую и вторую позиции. Четвертое и восьмое место в списке «производительных» комитетов занимали Енисейский (74,2%) и Сибирский Краевой комитеты (67,4%) [Там же. Л. 10, 17 об. – 20].

Остается открытым вопрос о том, были ли использованы во время проведения переговоров о дипломатическом признании собранные Всесоюзным ОСЖИ свидетельства об ущербе, причиненном советским гражданам в ходе интервенции. Доля отбракованных в ходе проверки претензий (по СССР к моменту завершения кампании 31,7%) не могла существенно ослабить впечатление об имущественных и личных потерях населения – это были свидетельства лишений миллионов людей.

Изучение опыта деятельности общественной организации, которая взяла на себя обязанности защищать интересы миллионов людей, позволяет представить состояние социума (умонастроения, степень социальной активности и доверия к политическому режиму) и характер его взаимодействий с советской властью. Кампания по сбору претензий жертв интервенции проводилась в сложных исторических условиях. Советская квазирыночная экономика, порожденная нэпом, переживала кризис. Одновременно происходило утверждение новых административных структур и практик управления. Общество испытывало перегрузки, а советская бюрократия находилась в состоянии цейтнота. Неблагоприятным фактором, отразившимся на работе ОСЖИ, был короткий временной интервал для проведения кампании. За такой срок было сложно подготовить людей, способных быстро и юридически грамотно оформить большое количество претензий. Проведение кампании осложнялось тем, что основная масса населения страны проживала в деревне и была малограмотной. В Сибири доля сельского населения составляла 87% при уровне грамот-

ности 26,71% [16. С. 25–26]. Все вместе это объясняет большую долю забракованных претензий после их проверки на соответствие юридическим требованиям.

Не оправдались ожидания широкой общественной поддержки деятельности ОСЖИ. Отказ граждан вступать в общество из-за необходимости платить членские взносы свидетельствовал об отсутствии у них идейной мотивации. Населению Сибири, как и СССР в целом, особенно в «глухой провинции», пострадавшему в период военного противостояния различных политических сил, было безразлично, кто виновен в их страданиях – «белые», «красные» или интервенты. Тем более оно не понимало, почему нельзя заявлять о потерях, понесенных от действий «белополяков» или германцев (мирные договоры с Польшей и Германией сняли вопросы о взаимных претензиях), а об ущербе, причиненном «белочехами» и «белоказаками», можно и нужно.

Скептическое отношение к кампании продемонстрировала часть советской бюрократии. В Новониколаевске организацией сбора претензий занимались всего 5 человек. Попытка привлечь к работе других «общественников» провалилась. Наиболее явно свое безразличие к целям и задачам ОСЖИ выразили члены правления Енисейского губернского комитета. Для местных советских руководителей, занятых разрешением текущих проблем послевоенного периода, это был очередной проект, спущенный «сверху» и ставший дополнительной нагрузкой.

Исследование деятельности комитетов ОСЖИ в Сибири показало, что процесс проведения кампании по сбору претензий в отдельных губерниях и городах имел специфические черты. Прослеживается определенная связь между наличием культурного слоя, включавшего академическое сообщество, техническую интеллигенцию и служащих, с одной стороны, и готовностью поддерживать значимые для государства направления деятельности – с другой. Благодаря поддержке сельской интеллигенции были собраны претензии в деревнях Новониколаевской губернии. Активное участие в проведении кампании в Иркутске и Иркутской губернии приняла студенческая молодежь. Но численность этих социальных групп в 1920-е гг. была незначительной.

Гуманитарные цели, заявленные в Уставе ОСЖИ, носили формальный характер. Истинная причина учреждения общества заключалась в том, чтобы посредством политической мобилизации советской общественности собрать дополнительные контраргументы для переговоров со странами-кредиторами. После того, как началась «полоса международного признания» СССР, необходимость в обществе отпала. Кампания по сбору претензий пошла на убыль осенью 1926 г., летом 1927 г. территориальные комитеты ОСЖИ были упразднены, а собранные материалы переданы в валютное управление Наркомфина [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000. URL: <http://www.arran.ru> (дата обращения: 23.09.2013).
2. Жукова Н.Е. Формирование и развитие общественных организаций в Бурятии в 20-е гг. XX века : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2014. URL: <http://uverenniy.ru/formirovanie-i-razvitiie-obshestvennih-organizacij-v-buryatii-v.html> (дата обращения: 02.10.2017).
3. Катаонов В.Ю. Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М. : Кислород, 2015. 350 с.
4. К десятилетию интервенции. Сборник статей. Общество содействия жертвам интервенции. М. : Л., 1929. 245 с.
5. Хейфец Б.А. Внешние займы и долги царской России: история и современная ситуация // Россия и современный мир. 2002. № 1 (34). С. 85–107. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=1355714> (дата обращения: 19.05.2017).

6. Интервенция // Сибирская советская энциклопедия. Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1931. Т. 2.
7. Туаева Б.В. Жизненные стратегии терского казачества в период трансформаций Российского государства в 1917–1920-х гг. // Известия СОИГСИ. 2011. Вып. 6 (45). С. 19–29. URL: <http://kvkz.ru/history/2610-zhiznennye-strategii-terskogo-kazachestva-v-period-transformatsiy-rossiyskogo-gosudarstva-v-1917820919208209h-gg.html> (дата обращения: 19.05.2017).
8. Государственный архив Новосибирской области (далее ГАНО). Ф. 35. Оп. 1. Д. 1.
9. Постановление от 10 июля 1924 года об учреждении при народном комиссариате иностранных дел особой комиссии по рассмотрению претензий граждан Союза ССР, пострадавших от иностранной интервенции. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2083.htm (дата обращения: 17.10.2017).
10. ГАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2.
11. ГАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 11.
12. ГАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4.
13. ГАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 9.
14. ГАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 3.
15. ГАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 10.
16. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1928. Вып. 7: Возраст и грамотность населения СССР. С. 26–27. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/16531-vyp-7-vozrast-i-gramotnost-naseleniya-sssr-1928#page/28/mode/inspect/zoom/4> (дата обращения: 11.04.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 12 декабря 2017 г.

ACTIVITIES OF THE ALL-UNION SOCIETY OF ASSISTANCE TO VICTIMS OF THE INTERVENTION IN SIBERIA (THE PRACTICE OF POLITICAL MOBILIZATION OF SOCIETY)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 432, 124–129.

DOI: 10.17223/15617793/432/16

Renata V. Oplakanskaya, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: roplakanska@mail.ru

Keywords: public organizations; All-Union Society for the Assistance to Victims of the Intervention; Siberian Province.

The article examines the Soviet practice of mobilization of society for the solution of public problems on the example of the All-Union Society for the Assistance to Victims of the Intervention. The Society declared the humanitarian mission to calculate the damage caused to Soviet citizens by the interventionists in contrast to the demands of the Entente countries to admit the “Tsar’s debts”. A concrete historical approach to the research was used. The formation of the Society branches in the provinces and districts of Siberia, the organization of campaign for the collection of the claims of citizens and its results are analyzed. The article is based on unpublished materials of the State Archive of Novosibirsk Oblast (Fund 35). The analysis of organizational and administrative documentation allows asserting that the humanitarian objectives of the Society had a declarative character, the true goals were focused on solving foreign policy tasks: signing of peace treaties with the capitalist countries and breaking of the USSR’s international isolation. This is indicated by the close relationship of the Society with the People’s Commissariat of Foreign Affairs, as well as the timing of the campaign for claim collection, which coincided with the period of negotiations about the conclusion of peace treaties. The Society ceased its activities after a wave of international recognition of the USSR. The research shows that six committees in provinces and a regional committee with a center in Novo-Nikolayevsk were created in Siberia in 1924–1927. At the same time, the campaign for collecting claims was carried out with the formation of a network of the Society’s branches. By 1927 about 80,000 claims were collected in Siberia, which amounted to only 6% from the all-Union indicators. The minor results were caused by the short terms of the campaign. Moreover, it was carried out in difficult social and economic conditions. At the time, new administrative structures and management practices were approved, and local Soviet bureaucracy was overloaded. The basic methods of the population’s mobilization for conducting the campaign for collecting claims were the administrative resource, propaganda and agitation. The most successful campaign was conducted in regions where heads of the committees were able to enlist the support of local intellectuals, students and office workers. But the number of these social groups was insignificant in the 1920s. Generally, the activities of the Society did not gain wide public support in Siberia. The citizens did not want to join the Society for the reason of membership payments. The campaign was complicated by the fact that a large part of the population lived in the country and was illiterate. Part of Soviet local officials showed a skeptical approach to the objectives of the Society. They interpreted it as another top-down project. It remains unclear whether the collected claims of citizens who suffered damage from the intervention were used by Soviet diplomats.

REFERENCES

1. Илина, И.Н. (2000) *Obshchestvennyye organizatsii Rossii v 1920-e gody* [Public organizations of Russia in the 1920s]. Moscow: IRI RAN, [Online] Available from: <http://www.arran.ru>. (Accessed: 23.09.2013).
2. Zhukova, N.E. (2014) *Formirovanie i razvitie obshchestvennykh organizatsiy v Buryatii v 20-e gg. XX veka* [Formation and development of public organizations in Buryatia in the 1920s]. History Cand. Diss. Ulan-Ude, [Online] Available from: <http://uverenniy.ru/formirovanie-i-razvitie-obshchestvennykh-organizatsiy-v-buryatii-v.html>. (Accessed: 02.10.2017).
3. Katasonov, V.Yu. (2015) *Genuezskaya konferentsiya v kontekste mirovoy i rossiyskoy istorii* [Genoa Conference in the context of world and Russian history]. Moscow: Kislorod.
4. Society for Assistance to Victims of Intervention. (1929) *K desyatiletiyu interventsii. Sbornik statey* [To the tenth anniversary of the intervention. Collection of articles]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.
5. Kheyfets, B.A. (2002) *Vneshnie zaymy i dolgi tsarskoy Rossii: istoriya i sovremennaya situatsiya* [External Loans and Debts of Tsarist Russia: History and the Current Situation]. *Rossiya i sovremennyy mir*. 1 (34). pp. 85–107. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=1355714>. (Accessed: 19.05.2017).
6. Azadovskiy, M.K. (ed.) (1931) *Interventsiya* [Intervention]. In: *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 2. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe otdelenie OGIz.
7. Tuaveva, B.V. (2011) *Zhiznennye strategii terskogo kazachestva v period transformatsiy Rossiyskogo gosudarstva v 1917–1920-kh gg.* [Life Strategies of the Terek Cossacks during the Transformation of the Russian State in the 1917–1920s]. *Izvestiya SOIGSI*. 6(45). pp. 19–29. [Online] Available from: <http://kvkz.ru/history/2610-zhiznennye-strategii-terskogo-kazachestva-v-period-transformatsiy-rossiyskogo-gosudarstva-v-1917820919208209h-gg.html>. (Accessed: 19.05.2017).
8. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 35. List 1. File 1. (In Russian).
9. Libussr.ru. (1924) *Postanovlenie ot 10 iyulya 1924 goda ob uchrezhdenii pri narodnom komissariate inostrannykh del osoboy komissii po rassmotreniyu pretenziy grazhdan Soyuzov SSR, postradavshikh ot inostrannoy interventsii* [Resolution of July 10, 1924 on the establishment of a special

- committee at the People's Commissariat of Foreign Affairs to examine claims of citizens of the USSR who suffered from foreign intervention]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2083.htm. (Accessed: 17.10.2017).
10. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 35. List 1. File 2. (In Russian).
  11. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 35. List 1. File 11. (In Russian).
  12. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 35. List 1. File 4. (In Russian).
  13. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 35. List 1. File 9. (In Russian).
  14. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 35. List 1. File 3. (In Russian).
  15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 35. List 1. File 10. (In Russian).
  16. TsSU Soyuz SSR. (1928) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkie svodki* [All-Union population census of 17 December 1926: brief information]. Is. 7. Moscow: "Mospoligraf" 14-ya tip. pp. 26–27. [Online] Available from: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/16531-vyp-7-vozrast-i-gramotnost-naseleniya-sssr-1928#page/28/mode/inspect/zoom/4>. (Accessed: 11.04.2017).

Received: 12 December 2017